

Библиотека
журналиста

Возвращенная публицистика

Книга 1
(1900—1917)

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1991

Два Копии
№ 2010-811/2

терес партии заключается не в том, чтобы объединять ее с людьми, посягавшими на самое ее существование. Любвеобильный Иисус говорил: все прощается, но грех против духа святого не простится. Каждый преданный член нашей партийной организации должен сказать теперь, несколько видоизменяя только что приведенные слова: все может быть прощено, кроме покушения на жизнь нашей партии. И, чтобы сказать это, вовсе не надо быть большевиком. Мы, меньшевики-партийцы, думаем совершенно так же. И мы уверены, что скоро будет думать так весь сознательный российский пролетариат. Ведь легко же понять, что одно дело — объединение пролетарских сил, а другое дело — объединение (в газете «Луч») с такими джентльменами, объединение с которыми нравственно невозможно для людей, понимающих, что такое верность своему партийному знамени.

Для объединения пролетарских сил необходимо, чтобы оставались на своем нынешнем месте, т. е. за пределами партии, те рыцари печального образа, которые, будучи объединены фракционной склокой, волочили в грязи свое партийное знамя.

Пролетариат скоро поймет это, потому что легко понять это каждому сознательному рабочему. Жизнь — хороший учитель. Она учит пролетария понимать, что такое партийная дисциплина.

Я знаю, что за эти строки адвокаты гг. Маевских, — Л. Мартов и другие, — обрушатся на меня с самой отборной бранью. Пусть бранятся: эти «теоретики» ни к чему другому и не способны. А я все-таки считал своим долгом сказать сознательным русским рабочим то, что я думаю по поводу раскола, начинающегося теперь в социал-демократической фракции Государственной Думы.

Здесь стою я, и не могу иначе.

Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С. 457—458.

ПОД ГРАДОМ ПУЛЬ

(Беглые заметки)

Заметка № 1

Не пугайтесь, читатель: пули, о которых я говорю, не убивают и даже не ранят, а только забавляют. Они

принадлежат к числу тех, которые «отливают» чудаки, шутники, а подчас и вообще люди, попавшие в затруднительное положение. Я потому и обращаю на них ваше внимание, что, как видно, очень затруднительно положение тех товарищей и тех «товарищей», которые отливают теперь в «Луче» пули по поводу моей заметки «К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы».

В качестве «сих дел мастера» укажу прежде всего на т. Ваню, напечатавшего в № 65 «Луча» статейку «Прискорбное явление».

Прискорбное явление, это — я, как автор только что названной заметки в «Правде». Чем же, собственно, я для него прискорбен? А вот послушайте.

По его словам, моя «трибуна» среди пролетариата гораздо выше, нежели «трибуна» Толстого среди буржуазии. Но огорчает его не это обстоятельство, а то, что человек, стоящий на столь высокой «трибуне», не всегда считается со своим положением. А этот грех уже издавна числится за высоко стоящим человеком. Для доказательства т. Ваню делает экскурсию в область прошлого.

«Он (т. е. я. — Г. П.) пересаливал в борьбе с большевиками (вспомним хотя бы Лондонский съезд, где он категорически заявлял, что существующие две дороги никогда не сойдутся, вследствие чего многие меньшевики и большевики — рабочие теряли надежду на организационное единство)».

Что значит: существующие две дороги? Я знаю не только две, а очень много дорог, которые никогда не сойдутся. Однако я отнюдь не теряю вследствие этого надежды на организационное единство и «категорически» приглашаю товарищей-рабочих (все равно, большевиков или меньшевиков) верить, что это единство, наконец, осуществится.

Пусть т. Ваню даст себе труд прочитать хотя бы брошюру ликвидатора Череванина¹ о Лондонском съезде. Он увидит из нее, до какой степени «категорически» оставил я там организационное единство. Я уже тогда разоблачал ликвидаторов, стремившихся нарушить его. Когда большевики начали истолковывать идею рабочего съезда в смысле противопоставления массового движения партийной организации, я «категорически» заявил, что пойду против всякого, кто позволит себе подобное

противопоставление. И я, как известно, сдержал свое обещание.

Как же мог т. Ваню, слушая или читая мои лондонские речи, утратить надежду на организационное единство? Непостижимо!

«Но, — продолжает утративший надежду товарищ, — последний призыв его превосходит всякие ожидания. Он призывает оставить за пределами партии ее добрых две трети. Да, две трети, ибо заодно с бывшими ликвидаторами теперь стоят не менее двух третей, если не вся партия».

Это «да, две трети, если не... и т. д.» несколько не убедительно по той простой причине, что совершенно голословно. Тов. Ваню напоминает мне того ленивого школьника, который на вопрос, как он докажет, что земля вертится, отвечал: «ей-богу, это так». Божба — не доказательство.

Я держался бы слишком плохого мнения о сознательном пролетариате России, если бы допустил, что две трети его могут быть в настоящее время «заочно» с бывшими ликвидаторами. Но, во всяком случае, я не божусь и ничего не утверждаю голословно, а обращаюсь к сознательному пролетариату и приглашаю его подумать о том, *может ли он, не изменяя своей задаче, оправдывать поведение господ ликвидаторов?* До сих пор я не слышал сколько-нибудь внушительного ответа в положительном смысле. Напечатанные в «Луче» письма отдельных рабочих и некоторых рабочих групп (т. Ваню ссылается на эти письма) доказывают только то, что заодно с ликвидаторами идут *некоторые* рабочие группы и *некоторые* отдельные рабочие. Мне неизвестно прошлое этих групп и этих отдельных рабочих, но я сильно подозреваю, что все они сами, как говорится, были мыты в семи водах ликвидаторства.

Если это в самом деле так, то надо сознаться, что они — плохой авторитет и что тот, кто на них ссылается, стремится ввести в обман сознательный пролетариат России. А это уж совсем «прискорбное явление».

Тов. Ваню говорит о партии. О какой? Как понимает он отношение к партии ее членов? Вот как.

Он пишет:

«Плеханов, как и большевики, не совсем прав в своих обвинениях: *ликвидаторы отрицали не политическую партию пролетариата, а старую организацию этой*

партии, доказывая, что партию надо организовать заново при помощи легальных организаций и легальной работы, ибо *старая нелегальная организация уже труп и оживить ее нет возможности*».

Эти слова т. Вано, так неосторожно им самим подчеркнутые, неопровержимо доказывают, во-первых, что я совершенно прав в своих обвинениях против ликвидаторов, а во-вторых, что он, т. Вано, не имеет ровно никакого понятия о том, как обязан относиться к своей партии всякий порядочный политический деятель. А это уж, конечно, еще более «прискорбное явление».

Ликвидаторы отрицали старую организацию нашей партии; они доказывали, что она «уже труп и оживить ее нет никакой возможности». Именно это я и говорил. Кто утверждает, что партия, к которой он принадлежал, уже умерла («уже труп»), тот сам умер для партии. А те, которые умерли для нее, те не имеют в ней никаких прав. А если они не имеют в ней никаких прав, то можно ли упрекать тех людей, — например, меня грешного и моих ближайших единомышленников, — которые отказываются признавать их своими товарищами? И можно ли кричать о расколе, если те, которые хотят объединить партийные силы, отказываются протянуть руку этим господам, так усердно рывшим могилу своей собственной матери, которая была жива, но сильно ранена и окружена превосходными силами временно восторжествовавшего неприятеля?

Если бы ликвидаторы «отрицали политическую партию пролетариата», то это значило бы, что они делают *только* теоретическую ошибку, т. е. подпадают под идейное влияние синдикалистов. Но в данном случае мы обвиняем ликвидаторов вовсе не в теоретической ошибке, а в преступлении против той партийной организации, к которой они принадлежали. Тов. Вано называет эту организацию старой и думает, что, назвав ее старой, он тем оправдывает ликвидаторов. Но этим он лишь показывает, как много «прискорбной» путаницы в его голове.

Возьмем пример. Меня обвиняют в том, что я сделал покушение на жизнь человека. Тогда мой защитник становится в красивую позу и с жаром восклицает: «Господа присяжные! Обвиняемый хотел убить не человека вообще, а только этого старого человека». Допустим, что человек, от меня пострадавший, в самом де-

ле дожил уже до весьма преклонного возраста. Но это ровно ничего не изменяет. Всякий, несмотря на это, все-таки скажет, что мой защитник не орел, со-о-о-всем не орел.

Тов. Ваню, увя! — тоже не орел. Он сам не знает, что говорит. Нельзя разрушить партию вообще. Можно разрушить только данную партию. И когда данную партию разрушает человек, сам к ней принадлежащий, тогда его называют *изменником*. И если бы целые стада товарищей Ваню восстали против такого названия и завопили, что оно слишком резко, то мы все-таки не могли бы ради них переиначить русский язык: смысл слова *изменник* все-таки остался бы совершенно определенным, и это слово как раз подходило бы для характеристики человека, попытавшегося разрушить свою собственную партию. Изменник есть изменник. Маевский есть Маевский. Ежов есть Ежов. Потресов есть Потресов. Это все, конечно, весьма «прискорбные явления», но я в них совершенно не виноват.

Господа, стремившиеся разрушить нашу партию, пытаются оправдать свой поступок, утверждая, что она, все равно, уже не существовала. По этому поводу я приглашаю сознательный русский пролетариат принять во внимание следующее.

Тов. Ваню считает этот довод убедительным. И он же утверждает, что «заодно с бывшими ликвидаторами» стоят две трети партии. Но ведь *новой* партии мы не основывали. Стало быть, он говорит о *старой*. Стало быть, ликвидаторы лгали. Стало быть, он мирится с ложью. Еще и еще раз: это — весьма «прискорбное явление».

Я уже признал, что, когда ликвидаторы поднимали свою преступную руку на нашу партию, она находилась в очень тяжелом положении. Но чем тяжелее в данное время положение данной партии, тем энергичнее обязан отстаивать ее существование каждый преданный ее член. Кто поступает иначе, кто сам старается нанести ей удар ножом в спину; тот позорно изменяет своему партийному долгу, и того не оправдают никакие адвокаты — даже несравненно более искусные, нежели совсем неискusный т. Ваню.

Возьмем еще пример. Рабочие данного завода объявляют стачку. Стачка идет неудачно. Дело принимает такой оборот, что скоро стачечникам придется взяться за ра-

боту. Однако они продолжают самоотверженно бороться. Но в их среде находятся бойкие молодцы, которые кричат во всеуслышание, что средства стачечников уже истощились, что стачка уже умерла. Их, конечно, очень хвалят за это гг. Изгоевы... виноват, я хотел сказать: гг. предприниматели. Но как называют их сами стачечники? Сознательным рабочим известно, как надо называть таких молодцов. И они легко поймут, что совершенно так же надо называть Маевских, Ежовых, Потресовых и им подобных.

Продолжаю тот же пример. Стачка кончилась. Но обстоятельства начинают меняться в пользу рабочих. Поднимаются толки о необходимости единения рабочих сил. И вот приходят «товарищи», доведившие до сведения фабрикантов, что стачка умерла, и говорят: «Если уж объединяться, так объединяйтесь и с нами». Что ответят им сознательные рабочие? Неужели не поймут они, что именно в интересах объединения нужно прежде всего «попросить вон» этих недавних могильщиков стачки?

Товарищи рабочие! Я превосходно понимаю, что в единении сила. Я постоянно твержу это. Но я спрашиваю вас: когда лучше объединена была апостольская община: тогда ли, когда в ней еще находился Иуда-предатель, или же тогда, когда он повесился?

Тов. Ваню величает «бывших ликвидаторов» стойкими работниками. Но их «стойкость» проявилась исключительно в деле разрушения партии. И чем больше «стойкости» проявили они, тем невозможнее объединение с ними. Да и что это за название «бывшие ликвидаторы»? Оно напоминает щедринское «бывший профос». Звание профоса пользовалось в России XVII века такой печальной известностью, что население терпеть не могло даже и «бывших профосов». Сознательный пролетариат России очень хорошо сделает, если будет сторониться даже и от «бывших» ликвидаторов.

Тот, кто навязывает нам единение с ними, продолжает стоять на точке зрения фракционной склоки. Он защищает их ради фракционного кумовства. Но соображения фракционного кумовства могут быть убедительны лишь для некоторых отдельных лиц и для некоторых отдельных групп лиц. Они не могут существовать для пролетариата. Пролетариат не захочет поддерживать раскол ради тех, которые копали могилу нашей

партии. Он не забудет, что если наша партия не лежит в сырой земле, если она отстояла свое существование в тяжелую годину, то это произошло *вопреки усилиям «бывых» ликвидаторов*. Этого для него вполне достаточно, чтобы знать, с кем идти и от кого сторониться.

Плеханов Г. В. Соч. Т. 19. С 459—463.

Заметка № 5

В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольничий фанатизм

В № 88 (174) «Луча» В. И. Засулич сделала «заявление», которое я не могу оставить без ответа¹.

В. И. Засулич пишет:

«В своей последней статье Г. В. Плеханов сводит почему-то число «изменников» к трем вышеупомянутым товарищам². На самом деле, число людей, неустанно работавших на пользу с.-д. партии в самые тяжкие годы реакции и тем самым заслуживших от Плеханова, Ленина и проч. имя «ликвидаторов», а затем «изменников», было гораздо больше».

Вдумайтесь, читатель, в логический смысл этих строк. «Плеханов, Ленин и проч.» окрестили ликвидаторами, а затем изменниками, — «людей, неустанно работавших на пользу социал-демократической партии (заметьте: *партии!* — Г. П.) в самые тяжкие годы реакции». Что сказать по этому поводу? Тут можно сказать только одно: если В. И. Засулич правильно излагает факты, то «Плеханов, Ленин и проч.» — совершенно вздорные люди, на крики которых не следует обращать внимания. Да и этого мало. Чтобы назвать изменниками товарищей, неустанно работавших на пользу партии, надо самому быть изменником, а в лучшем случае — сумасшедшим. Спрашивается, что же представляют собою «Плеханов, Ленин и проч.» — сумасшедших или изменников?

В. И. Засулич имеет репутацию очень мягкого человека. И эта репутация в значительной мере заслужена ею. Москвичи звали когда-то царя Алексея Михайловича тишайшим. В. И. Засулич можно назвать тишайшей, по крайней мере, с таким же правом. Она очень не любит больших резкостей. Вероятно, лишь вследствие этого она не называет меня, Ленина «и проч.» ни сумасшедшими, ни изменниками. Она объясняет нашу огром-

«Правда» — ежедневная легальная большевистская газета. Первый номер вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г. Активное участие в газете принимали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, К. С. Еремеев, К. Н. Самойлова, М. С. Ольминский, А. М. Горький, Демьян Бедный и др. Газета подвергалась постоянным преследованиям царского правительства. Из 646 номеров репрессиям подверглось 190. Против редакторов «Правды» было возбуждено 36 судебных дел. В общей сложности они отсидели в тюрьме свыше 47 месяцев. 5 июля 1913 г. «Правда» была закрыта и с 13 июня по 8 июля 1914 г. выходила под названием «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Рабочий», «Трудовая правда». Перед началом первой мировой войны редакция «Правды» была разгромлена, сотрудники арестованы, газета закрыта. Возобновлена после свержения царизма 5 марта 1917 г. С этого дня выходит как центральный орган партии.

¹ В IV Государственную думу было избрано шесть большевистских и семь меньшевистских депутатов, составивших сначала единую социал-демократическую фракцию. От большевиков в Думу прошли А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. Избранный от Московской губернии Р. В. Малиновский оказался провокатором.

² От меньшевиков в социал-демократической фракции были представлены рабочие Бурьянов, Туляков, Хаустов, юрист Чхенкели, инженер Скобелев, конторский служащий Маньков и один из лидеров меньшевизма Н. С. Чхеидзе.

³ **«Луч»** — ежедневная газета меньшевиков-ликвидаторов, выходила в Петербурге с 16 сентября 1912 г. по 5 июля 1913 г. Идейное руководство газетой осуществляли входившие ранее в редакцию «Голоса социал-демократа» Мартов, Аксельрод, Мартынов и Дан. С 11 июля 1913 г. по 23 января 1914 г. издавалась под названием «Живая жизнь», «Новая рабочая газета».

Под градом пуль. Заметка № 1. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 3 апреля).

¹ **Череванин** (псевдоним Липкина Федора Андреевича, род. 1868), меньшевик, литератор. В период первой мировой войны социал-патриот. Позднее — член ЦК меньшевиков.

Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольниковый фанатизм. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 7 и 8 июня).

¹ Заметка № 5 — заключительная статья Г. В. Плеханова из серии публикаций «Под градом пуль». Она явилась ответом на выступление В. И. Засулич в меньшевистском «Луче» со статьей «Плеханов и ликвидаторы». Кроме «Заметки № 1» были напечатаны «Заметка № 2. Письмо к одиннадцати передовым рабочим» (Правда. 1913. 10 апр.), «Заметка № 3. Под суд!» (Правда. 1913. 4 мая), «Заметка № 4. Господин Потресов в роли моего обвинителя» (Правда. 1913. 17—19 мая). Последняя явилась ответом на статью Потресова «Я обвиняю Плеханова», опубликованную в «Луче» (1913. № 88).

² Ликвидаторы Ежов, Левицкий и Маевский.

³ Автор «Писем...» Н. М. Карамзин.

⁴ Имеется в виду «Заметка № 3. Под суд!».

⁵ **Группа «Освобождение труда»** — первая российская социал-

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика на перекрестках политической мысли	3
Г. В. Плеханов	19
На пороге двадцатого века	20
Карл Маркс	25
Централизм или бонапартизм?	33
В защиту «подполья»	46
Наше положение	54
К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы	64
Под градом пуль. Заметка № 1	65
Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольни- чий фанатизм	71
П. Б. Аксельрод	78
Вильгельм Либкнехт	79
Д. Н. Благоев	87
Социализм на Балканах	88
Н. И. Бухарин	96
Российская революция и ее судьбы	97
Клеветники	106
Парижская Коммуна и революционная Россия	108
Еще раз о тов. Ленине	110
К социализму	111
К. С. Еремеев	114
Строгий ошейник	115
В. И. Засулич	117
Н. А. Добролюбов	118
Г. Е. Зиновьев	127
Против течения	128
Важный документ	129
Не-герои	132
Еще о повороте Мартова	134
Война и судьбы нашего освобождения	135
Л. Б. Каменев	144
Лондонский съезд Российской с.-д. рабочей партии 1907 г.	145
Не по дороге	169
Против течения	175
Пять лет	179
На пороге революции	188
В. А. Карпинский	195
Неравенство перед смертью	196
К. Каутский	197
Славяне и революция	198
Л. Мартов	204
Новые друзья русского пролетариата	205

	Рабочий класс и «Русское Знамя»	214
	Бурный месяц	220
	Программа русских либералов	224
	За что бороться	232
А.	Н. Потресов	237
	Посвящается читателю-другу	238
К.	Н. Самойлова	241
	35 тысяч курьеров	242
И.	И. Скворцов-Степанов	243
	Первые заседания Государственной Думы	245
	К юзовской катастрофе	249
	Капитал и газеты	256
Л.	Д. Троцкий	261
	Зубатовцы в подпольной печати	262
	Мораль Лондонского съезда	265
	Таракан во шах	286
А.	И. Ульянова-Елизарова	293
	Искорки	294
С.	Г. Шаумян	300
	Русская революция и Закавказская власть	301
	Национализм на Кавказе и оголение фронта	304
	День рабочей печати	307
	Эволюционизм и революционизм в общественной науке	309
	Комментарии	316